

**Отзыв официального оппонента
на диссертацию Никиты Игоревича Храпунова**

**«Формирование образа Крыма в английской литературе путешествий
конца XVIII – начала XIX в.», представленную на соискание ученой
степени доктора исторических наук**

по специальности 5.6.2 – *Всеобщая история (исторические науки)*

Исследование Н.И. Храпунова посвящено образу Крыма, складывавшегося в английских рассказах о путешествиях, на протяжении первого полувека российского освоения полуострова. Источниками служат травелоги десяти британских авторов, среди которых есть и вымышленные описания своих якобы осуществлённых путешествий, но воспринятых современниками, как вполне реальные, и в этом качестве внесшие свой вклад в формирование образа Крыма в британском и, в какой-то мере, в европейском общественном мнении. Была проделана большая работа по выявлению аутентичных вариантов текстов, источников информации авторов, изучению общественной реакции на каждый из травелогов и, главное, по тщательному сопоставлению впечатлений путешественников от крымских достопримечательностей с географическими, историческими и археологическими данными, позволяющими понять, насколько адекватным было их восприятие и чем вызвано возможное отклонение от реальности. И в основном тексте диссертации, и в пространных примечаниях и приложениях приводятся авторские переводы пассажей, относящихся к крымским реалиям. Кроме того, восстанавливается любопытный визуальный ряд, не только иллюстрирующий рассказы путешественников, но обладавший несомненной самостоятельной информационной ценностью.

Первая глава диссертации посвящена фундированному анализу источников, описанию историографии, весьма объемной, поскольку исследование носит комплексный характер, привлекая обильный материал

археологии, географии, лингвистики, этнологии и других дисциплин. Раскрываются историографические традиции так называемой «исторической имагологии», концентрирующей свое внимание на «образе Другого». При этом вполне справедливо указаны российские представители данного направления. В этой связи хочется отметить внимание к наследию советского историка Н.А. Ерофеева, актуализировавшего важность изучения российского образа «Туманного Альбиона» еще в ту эпоху, когда у нас никто не помышлял о таком аспекте исследования. Он завершил свое исследование одновременно с публикацией «Ориентализма» Э. Саида. Но если для сравнительно молодого американского публициста арабского происхождения, это был лишь первый опыт подхода к данной теме, то книга Н.А. Ерофеева «Туманный Альбион. Англия и англичане глазами русских. 1825-1853 гг.» стала итогом его исследовательского опыта, накопленного за всю жизнь.

Диссертант осознает всю сложность имагологического подхода. За годы исследований установлено, что чужестранцы видят в описываемой стране, в первую очередь, то, что хотят увидеть, в соответствии с предзаданными стереотипами восприятия. В результате картина получается далекой от реальности, и зачастую травелоги проецируют на чужую территорию то, от чего они хотят избавиться или же то, что хотят возродить в своей стране. «Германия» Тацита, возможно, больше повествует о кризисе римской идеологии, чем о реалиях жизни древних германцев. Страны Востока европейцы описывали и моделировали в соответствии со своими представлениями об ориентализме, подгоняя под стереотипы все многообразие социального бытия от Индии до Марокко, руководствуясь при этом своими политическими интересами, иногда вполне осознанно, но, чаще, на имплицитном уровне. Но это отнюдь не аннулирует познавательной ценности травелогов. Во-первых, пусть даже в преломленном виде, они отражают реальность, и отыскать эту реальность позволяет погружение в исторический контекст, сопоставление с другими источниками, сравнительный анализ данных разных травелогов. Это все же дает

возможность отыскать выход из герменевтического круга. Во-вторых, формирующийся образ новой страны, пусть и содержащий искажения, воплощался во вполне конкретных последствиях. Автор неслучайно вспоминает «теорему Томаса» – если ложная ситуация воспринимается людьми как истинная, то она становится истинной по своим последствиям. Крымские эпизоды рассмотренных травелогов вполне убедительно подтверждают эту истину о «самосбывающихся пророчествах», актуальность которой мы ощущаем сегодня, как никогда остро. И речь идет не только о «русофобии» или «татарофобии», не только о триггерах противостояния, вылившегося в Крымскую войну. Это влияние может быть и вполне позитивным. Трудно представить, что на Михаила Семеновича Воронцова, потомственного англомана, не оказали влияние английские травелоги, описывающие Крым. Степень этого влияния обсуждаема, но само его наличие отрицать невозможно, достаточно лишь взглянуть на диабазовые стены дворца, ненадолго приютившие Уинстона Черчилля.

В трех исследовательских главах изучаются десять травелогов, сгруппированных в хронологическом порядке. Они принадлежат к разным жанрам: письма близкому человеку (реальные или мнимые), скупые очерки, подробные описания, походившие на научные трактаты, путевые зарисовки, дневники, мемуары, памфлеты. Кто-то из авторов вообще не был на полуострове, кто-то ограничился кратковременной экскурсией, кто-то жил там довольно долгое время. Среди путешественников были люди с прекрасной лингвистической подготовкой, способные разбирать древние письмена и объясняться с татарами и караимами без переводчика, были люди, образованные лишь поверхностно, были русофобы и русофилы, и, наконец, были мужчины и женщины. Различий имелось великое множество, но тем интереснее те общие места, которые все-таки удастся выявить диссертанту в результате анализа травелогов.

В результате исследование получилось многомерным и многоплановым, решающим задачи, соответствующие разным эпохам

развития исторического знания. Прежде всего диссертанта занимает «хлеб историков» – работа с источниками. Сюда относится ввод в научный оборот новых памятников, новых данных, исправление неточностей в прежних переводах и изданиях. Тщательно проводится внешняя и внутренняя критика источников, с соблюдением того, что еще в позапрошлом веке называлось «научной акрибией». Надо отметить, что Н.И. Храпунов, обычно вполне корректный по отношению как к своим предшественникам, так и к современным коллегам, резко меняет свой тон, когда речь идет о недоработках в переводе источников. Он нетерпим к тому, что считает халтурой, не терпит вольных «пересказов» публикуемых текстов, являясь сторонником филологической точности, опираясь на присущее ему чувство языка и стиля. В этом отношении его исследование трудно не признать удачным – оно способствует приращению научного знания, устанавливая материалы заимствований авторов травелогов. Особенно наглядно это проявляется в работе над визуальными источниками.

Также автор справляется с непростой задачей, решить которую под силу лишь квалифицированному историку-краеведу. Почти по каждому объекту, упоминаемому путешественниками, в диссертации приводится нечто вроде компендиума сведений, известных ученым на сегодняшний день благодаря сопоставлению информации, почерпнутой из древних источников с археологическими и этнографическими данными, наблюдениями других путешественников. Английские свидетельства, таким образом, оказываются звеньями длинной цепи. Это дает возможность понять, в чем состояла абберрация восприятия, если она была, и каковы ее причины.

Важнейшим аспектом исследования является «дефектоскопия восприятия» и соответственно «дефектоскопия описания». Почему каждый автор склонен видеть не то, что было «на самом деле» и почему так часто они не оригинальны, повторяя одни и те же несуразности? Здесь и города на горных вершинах со следами от цепей, которыми привязывали лодки во время Всемирного потопа, и точка обзора, с которой одновременно можно увидеть

сразу три моря, и пресловутый храм Дианы на скале. Но это еще не самое страшное – есть стереотипы и не столь невинные от «татарской ленности» до губительной роли России в судьбе крымских сокровищ.

Время, когда иноземным путешественникам в Россию и в сопредельные с ней страны, историки верили на слово, давно прошло. Всем стало ясно, что у путешественников на глазах шоры, образованные заранее сформированными предубеждениями, а то еще и политическими целями. Если следовать американскому историку Марашлу По, то все описания иностранцами Московии состоят в основном из «общих мест», порожденных представлениями о «русском деспотизме». Похоже, что многие отечественные коллеги стоят на тех же позициях, дезавуируя свидетельства иноземцев как исторический источник. Н. И. Храпунов, развенчивая стереотипы, все-таки не впадает в полный пессимизм по этому поводу. Иногда стереотип о том, что иностранцы, пишущие о России, руководствуются только стереотипами, в свою очередь, достоин развенчания или смягчения. Важно прислушиваться к интонации автора, понимать контекст его высказывания. Является ли в глазах путешественников признаком отсталости то, что крымские татары, не веря европейской медицине, считают все лекарства «нечистыми»? Диссертант в этой связи вспоминает высказывание Жака Маржерета о русских времени Бориса Годунова, о том, что медики лечат только царя и некоторых вельмож, а все остальные европейской медицине не доверяют, и «многие вещи, используемые врачами они даже считают нечистыми». Но бравый французский капитан в данном случае не пытается еще раз подчеркнуть варварство москвитов, и мы поймем это из перечисления отвергаемых средств: они ненавидят клистиры, мускус и цибет, то есть малоприятные процедуры и препараты, которые вряд ли пришлись бы по душе и нам. И главное, что далее Маржерет повествует о том, что, заболев, простолюдины предпочитают выпить добрую чарку водки, смешанную с чесноком или же с долей ружейного пороха, а затем идут в парную и сидят в ней пару часов и так лечатся от всех болезней. При этом капитан отмечает долголетие и крепкое

здоровье русских. Стоит ли видеть в его высказывании оценочный характер? В констатации факта не всегда есть место стереотипам. И если британец пишет о том, что древние каменные строения разбирают для строительных работ в Симферополе или Севастополе, он не обязательно клеветает, но иногда лишь констатирует факт. Можно, конечно, указать на неблагоприятную роль англичан в хищении предметов античного искусства, но одно дело вывозить в свои коллекции античные статуи (чем, кстати, занимались и наши екатерининские вельможи; достаточно вспомнить, что поставками в Россию «антиков» из Италии зарабатывал на жизнь драматург Фонвизин), а другое – уничтожать старинные артефакты, не осознавая их ценности.

Н.И. Храпунов обоснованно дезавуирует многие свидетельства Эдварда Кларка как предвзятые, обусловленные личными обидами или политической позицией. И при этом справедливо замечает, что далеко не все англичане в ту пору так плохо относились к русским. Примером этого может служить поведение сотрудника британской Ост-Индской Компании, оказавшим в китайском Кантоне помощь русской экспедиции Крузенштерна и Лисянского. Диссертант отмечает, что англичанин проявил солидарность с русскими офицерами, как с представителями европейской культуры, оказавшимся в экзотических условиях Восточной Азии (с. 124), тогда как на Кларка восточное окружение действовало иначе, катализируя его антирусские настроения. Поддерживая автора в оценках Кларка, замечу, что ситуации в данном случае несопоставимы. Кларк недоволен русскими, находясь на российской территории. Еще неизвестно, как он повел бы себя, при встрече с нашими соотечественниками где-нибудь в Африке.

Наконец, еще одним аспектом исследования является рецепция сочинений путешественников по Крыму в Англии. Как именно они повлияли на формирование образа Крыма в английском общественном мнении? Диссертант специально оговаривает, что использует в своем исследовании лишь опубликованные тексты, которые могли стать достоянием широкой английской публики. Н.И. Храпунов указывает варианты изданий, отмечая

имеющиеся между ними разночтения, встраивает пассажи, связанные с описанием Крыма в общий контекст творчества авторов. Особое внимание уделено рецензиям или иным откликам на эти публикации. Представляется, однако, что здесь есть еще резервы для дополнительных исследований. Можно вписать их в более широкий контекст, обратившись, например, к откликам на эти сочинения в европейской и, что еще важнее, в российской прессе, а, возможно, и в архивных материалах. Автор упоминает лишь вскользь о реакции российской стороны на сочинение Кларка. В любом случае приведенный богатый материал дает возможности для дополнительных выводов.

В частности, из материала диссертации становится очевидным, что более правильно говорить не об английской, а о британской литературе путешествий. Из десяти авторов трое являются шотландцами. Причём специфика шотландского взгляда на Крым представляется вполне выраженной. Мэтью Гатри занимает откровенно пророссийскую позицию. Но он, к тому же, и близок к якобитам, шотландским противникам Ганноверской (Виндзорской) династии. Два других шотландца, Эбенезер Хендерсон и Джеймс Уэбстер, являются верноподданными британцами, но их трудно обвинить в русофобии. Если они и критикуют увиденное, то стараются сохранять при этом умеренность и объективность. Даже описывая столь шокирующее иностранцев наказание кнутом, Уэбстер замечает, что все же эта экзекуция более гуманна, чем виселица, уготованная английским преступникам даже за менее тяжкие правонарушения. «Толерантному» взгляду есть объяснение. Шотландцы исторически более англичан были склонны образовывать диаспоры на континенте (во Франции, Польше, Швеции, Германии), сравнительно легко приспособившись к новой обстановке. Не без проблем, но гораздо лучше прочих иноземцев, «немцы шкотския земли» уживались в России, о чем свидетельствуют хотя бы дневники Патрика Гордона. Надеюсь, что уже в этом году выйдет в свет объемное исследование О.Я. Ноздрина и Д.Г. Федосова «От льва к

двухглавому орлу, или шотландцы в России». Кстати, наиболее обоснованной критике нападки Эдварда Кларка на Россию были подвергнуты именно шотландцем Дж. Александером.

Н.И. Храпунов обосновано избегает погружения в гендерную проблематику и обсуждения проблемы «женского письма», несмотря на то, что среди авторов травелогов есть и женщины. Слишком велика и слишком специфична литература по этой теме. Но эти вопросы сами собой проявляются в травелогах.

Элизабет Кревейн подозревает, что ее соперница леди Монтегю не сама описывает свое путешествие в Турцию, а за нее пишет ее образованный супруг. Установлено, что за крымскими письмами Мари Гатри скрывался ее муж, старавшийся, таким образом воздать долг памяти своей покойной супруге. Любопытно, что мистификация отчасти удалась – последующие путешественники несколько снисходительно отзывались об описании крымских красот в сочинении мадам Гатри, приписывая им излишнюю сентиментальность и восторженность, свойственную слабому полу. Думается, однако, что, если бы с этим текстом ознакомились другие путешественницы по Крыму – Элизабет Кревейн и Мери Хоулдернес, у них не возникло бы сомнений в том, что его автор – мужчина.

Как показано в диссертации, особенности женского взгляда позволяют выявить бытовые подробности, ускользавшие обычно от внимания мужчин.

К конкретным недостаткам работы относятся некоторые формулировки, вызывающие сомнения.

Так, на с. 301, где запустение Тавриды сравнивается с аналогичными процессами, которые произойдут в Черкессии в конце 1860-х годов, автор пишет, что выселение местных жителей на территорию Османской империи привело в запустение некогда цветущий край. Термин «выселение» не вполне корректен. Мохаджирство отличалось от депортаций XX столетия, поскольку у правоверных был выбор – остаться под властью завоевателей или

переселиться на земли ислама. Правильнее все-таки говорить о «переселении», пусть и с элементами принуждения.

Не вполне понятно, почему удивление Элизабет Кревейн тому, что придворные дамы в отличие от Императрицы и от Дашковой, не носят русские платья, является проявлением колониального мышления (с. 136).

На с. 355 из контекста следует, что караимы не вели (не возводили?) свою историю глубже XIII столетия не в начале XVIII века, а в начале XIX века.

Нуждается в пояснении, какую именно социальную функцию гарема проигнорировал Эбенезер Хендерсон, сострадавший заключенным в Бахчисарае христианкам, принесенным в жертву сладострастию ханов (с. 357).

Александр I не обязательно полагал, что распространение протестантской этики должно было способствовать ускорению экономического развития страны (с. 310). Здесь император мог выступать не предшественником Макса Вебера, но продолжателем политики русских царей, привыкших не доверять католикам и поощрять переселение в Россию протестантов.

На с. 190 содержится утверждение, что античность входила в моду в XVIII веке, в эпоху Просвещения. Думается, что в моду она вошла как минимум на два века раньше, поэтому для нового витка интереса к Античности надо поискать какой-то другой глагол.

Автор часто говорит о высокомерном взгляде англичан, привыкших помещать себя на вершину иерархии народов. При том, что иерархия народов упоминается в диссертации довольно часто, надо понимать, что термин «иерархия» подразумевает расположение элементов в строгом порядке от высшего к низшему. Но есть ли в источниках описание этого порядка? Например, что французы стоят ниже англичан, но выше итальянцев, а русские уступают полякам, но выше татар?

Из-за избранной композиции работы в ней встречаются повторы, хоть и объяснимые, но немного утомляющие при чтении.

Высказанные замечания не снижают общей высокой оценки исследования Н.И. Храпунова и носят в основном рекомендательный характер или же являются приглашением к дальнейшей дискуссии.

Диссертация написана хорошим языком, общие положения представляются обоснованными. Содержание исследования адекватно отражено в автореферате и в многочисленных публикациях. Методика работы, предложенная автором, имеет практическое значение и обладает высокой степенью актуальности, а выводы автора открывают новые возможности для развития современного российского гуманитарного знания.

Полагаю, что диссертация Н.И. Храпунова «Формирование образа Крыма в английской литературе путешествий XVIII – начала XIX вв.» соответствует требованиям п. 9 «Положения о присуждении ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 № 842, а соискатель заслуживает степени доктора исторических наук по специальности 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки).

Отзыв представлен в Диссертационный совет 24.2.318.04 на базе ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В.И.Вернадского».

Официальный оппонент

Заведующий отделом Западноевропейского

Средневековья и раннего Нового времени

Института Всеобщей истории Российской Академии наук

Член-корреспондент РАН, д.и.н., профессор

Уваров Павел Юрьевич

Москва, 119334 Ленинский проспект, д. 32 а

Тел : 8 (495) 938-13-44 , dir@igh.ru.

